

УДК 811.512.37'27

ББК Ш100.3(Рос.Калм)

«БЕЛАЯ ДОРОГА» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ЗНАК КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

К. А. Джусихинова

Ментальные единицы (концепты), составляющие национальную концептосферу, являются основой образования когнитивных стереотипов — суждений о действительности. Исследователи дают концепту разные определения, но, как правило, сходятся в одном: это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. При этом, что очень важно, отмечается его «описательно-образный и ценностно-ориентированный характер» [Алефиренко 2002: 17].

Народ, объединенный языком и культурой, представляет собой лингвокультурную общность, специфику речевого поведения которой определяет национальный менталитет, т. е. «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Прохоров, Стернин 2011: 92]. Отсюда уникальность концептуальной картины мира каждого народа — упорядоченного, структурированного знания о мире.

Вербализуясь, концепт становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков, куда входят и фразеологизмы. Фразеология, являясь фрагментом языковой картины мира, выражает национально окрашенное отношение к миру, системе ценностей, образу жизни, хранит традиции определенной этнокультурной общности. Особая ценность фразеологизмов в том, что в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

Одним из таких фразеологизмов является «белая дорога» — «цахан хаалһ». Наличие в калмыцкой лингвокультуре этого устойчивого языкового знака определяет конкретный стереотип калмыцкого сознания: «Цахан хаалһ — счастливый путь» [Бардаев и др. 1990: 123].

Цель статьи — проанализировать этот сложный знак в контексте речевой ситуа-

ции, выявив культурные семы в значении на основе ассоциативного эксперимента.

Обращаясь к анализу обозначенного фразеологизма как прецедентного знака калмыцкой лингвокультуры, отметим, что необходимо различать когнитивный (мыслительный) концепт, состоящий из концептуальных признаков, и его языковую реализацию (слово, словосочетание), состоящую из набора сем и выступающую как средство и способ репрезентации когнитивных процессов в лингвистических структурах, но не представляющую концепт полностью [Ковалева 2004: 55]. Концепты имеют сложную структуру. «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятий; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры» [Степанов 1997: 40]. Как правило, фразеологизмы являются репрезентантами концептов. Так, *белая дорога (цахан хаалһ)* объективирует в языке (речи) два базовых концепта «Дорога» (счастливый путь) и «Судьба» (жизненный путь), что определилось в результате проведенного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие испытуемые трех возрастных групп: 16–20, 35–55 и 60–70 лет, соответственно. На стимул *белая дорога (цахан хаалһ)* предлагалось записать 5 первых, пришедших испытуемым в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений). Было получено более 400 ассоциативных реакций, определивших место данного языкового знака в семантическом поле обозначенных концептов.

Полученные реакции распределились следующим образом: *добрый путь, счастливый путь* — 40; *удачно доехать* — 30; *судьба* — 30; *чистые помыслы* — 27; *благие дела, деяния* — 26; *йорял, благопожелание, счастье* — 25; *без болезней, здоровье* — 19; *жизненный путь* — 17; *удача, благополучие, открытая дорога, без препятствий* — 16; *чистота, белый, светлый* — 15; *калмыц-*

кий, Калмыкия, достойная жизнь — 8; гладко, гладкий — 7; свет, радость, праздник — 5; старость без страданий (хорошая, достойная), небесный путь, небо, хадак (ритуальный белый шарф) — 3 и др. К единичным ассоциатам относятся такие, как ветер, одинокий путник, трава, без ссор, цэ (калмыцкий молочный чай), добрые лица, Белый старец (Цаһан өвгн — почитается как «хозяин хозяев» земли, покровитель богатства, благосостояния, плодородия), Цаган-сар (Белый месяц — праздник Нового года, первый месяц весны), белые и красные монеты, свадьба, рождение ребенка, не черный, а белый и др.

Проведенный анализ позволил выявить основные семантические компоненты рассматриваемого языкового знака: 1) дорога как реальное и как жизненное пространство; 2) счастливая жизнь — жизнь без препятствий; 3) предполагает благие дела, чистые, светлые помыслы, удачу; 4) ведет к достойной жизни без страданий. Однако если старшие возрастные группы информантов на первое место ставят «благие дела» и «чистые помыслы», у молодежи приоритетна «удача». Таким образом, фразеосочетание *белая дорога (цаһан хаалһ)* является вербальной репрезентацией двух базовых концептов калмыцкой лингвокультуры — «Дорога» (путь) и «Судьба» (жизненный путь) — в зависимости как от ситуации, так и жанровой реализации этой языковой единицы в качестве этикетной формулы с интенцией доброго пожелания.

Оба концепта — «Дорога» и «Судьба» — являются базовыми, ключевыми для любой лингвокультуры. В рассматриваемом языковом знаке, их репрезентанте, они связаны лексемой «дорога» в разных своих лексико-семантических вариантах: дорога как пространство, «полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» и жизненный путь, *перен.* «жизнь человека» [Ожегов, Шведова 2010: 176]. В традиционном обществе калмыков понятие «дорога, путь» обладало «многослойной семантикой» и являлось «важной составляющей представлений о жизненном пространстве этноса» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 58].

Стержневым компонентом рассматриваемого фразеосочетания является «дорога». Однако эпитет *белая (цаһан)* сообщает обозначенным концептам оценочную, окрашенную в аспекте национальной культуры,

коннотацию: *хорошая, без препятствий, счастливая* дорога (путь) и *счастливая, благополучная* судьба (жизненный путь).

В калмыцкой культуре белый цвет, поглощающий, в силу своей физической природы, все остальные цвета и оттенки («мать-цвет»), сакрален. Он первый и главный в палитре, «олицетворяет собою счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе». Белый цвет является священным во многих культурах, однако в некоторых из них он считается траурным, «символом смерти и печали» (к примеру, у китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев) [Жуковская 2007: 201]. Для калмыков, исповедующих буддизм, смерть всего лишь трансформация, переход в новое качество, поэтому белый цвет и в этой жизненной ситуации сохраняет свою позитивную знаковую.

Таким образом, в калмыцкой лингвокультуре «семантическое поле прилагательного *цаһан (белый)* раскрывается с позитивной номинацией предмета», что и объясняет исключительно положительную оценочность полученных в результате эксперимента ассоциатов [Голубева 2009: 85].

В калмыцкой ментальности концепт «Дорога» тесно связан с кочевым укладом народа в прошлом [Ханинова, Музаева 2010: 136]. В калмыцком языке понятие *дороги* передает слово *хаалһ*: 1. дорога, путь, трасса...; 2. *перен.* путь, способ [КРС 1977: 560]. Синонимический ряд: *хаалһ, зам, жим, цувг* — 1. дорога, путь, тропа [Монраев 2002: 170].

Если рассматривать *дорогу* как «образ связи между двумя отмеченными точками пространства» в свете бинарных оппозиций, можно выделить следующие значимые дихотомии: внутренний–внешний, близкий–далекий, видимый–невидимый, профанный–сакральный, концентрическое–линейное, свое–чужое (пространство). Их подробный анализ представлен в работе Э. П. Бакаевой и Ю. И. Сангаджиева [Бакаева, Сангаджиев 2005: 59].

Для понимания фразеологизма *белая дорога (цаһан хаалһ)*, на наш взгляд, существенны противопоставления «свое–чужое» и «профанное–сакральное». Дихотомия «свое–чужое» включает понятие «концентрического и линейного освоения пространства»: концентрического — пока юрта находится на временной стоянке (юрта как

центр и вокруг нее — свое, освоенное пространство), линейного — в процессе перекочевки с одной стоянки на другую [Жуковская 2002: 25].

Пожелание «белой дороги» человеку, отправляющемуся в путь, связано с горизонтальным (линейным) перемещением, в частности, с направлением в «чужое», небезопасное пространство. Существовала система запретов, связанная с положением человека относительно дороги: запрет на расположение жилища рядом с дорогой, удаление входа от дороги и пр. Негативное отношение именно к дороге линейной, горизонтальной связано с представлением об обитающих там вредоносных духах (шулмусах) [Бакаева, Сангаджиев 2005: 64–65]. К этому представлению восходят обряды, ритуалы, запреты, сопутствующие отправлению в путь и совершаемые в дороге: благопожелания в дорогу — «хаалһин йөрэл», обращения к священнослужителям с просьбой «открыть дорогу» — «хаалһ секх» молитвой, движение «по солнцу», предметы-обереги, которые человек брал в путь и т. д. [Басангова 2008: 413–420; Борджанова 2007: 53;]. Ассоциат «белые и красные монеты» не случаен и связан с ритуалом бросания на дорогу денег с целью задабривания духов дороги [Пространство в традиционной ... 2008: 306–320].

По наблюдениям Э. М. Ханиновой и А. В. Музаевой, «в калмыцком языковом сознании дорога — это движение, испытание, преодоление, возможности, направление» и, наконец, «судьба» [Ханинова, Музаева 2010: 133]. В сознании кочевников–калмыков метафора «путь как суть жизни, основной ее смысл» мотивирована культурой «движущегося этноса» [Пространство в традиционной ... 2008: 295].

Концепт «Судьба» является объемным ментальным образованием, вбирающим в себя инвариант значений репрезентирующих его языковых единиц, занимающих свое место в семантическом поле концепта. Основные параметры этого концепта связаны с отношением к миру, жизни. В традиционной культуре монголов концепт «Судьба» объективируется в трех значениях: 1) как воля и власть высших сил; 2) как доля, удел, участь индивида; 3) как деяние и плоды человека [Пюрбеев 1998: 99–100]. Анализируя тему судьбы в лирике двух известных калмыцких поэтов, Д. Н. Кугультинова и М. В. Хонинова, личности которых

в национальной культуре являются прецедентными, Р. Ханинова отмечает, что «все эти три значения так или иначе присутствуют» в их творчестве [Ханинова 2008: 24].

Таким образом, «понятие судьбы в определенном смысле подразумевает и жизненный путь человека, о чем свидетельствует общемонгольское слово *зам* ‘дорога, путь’ и калмыцкое *хаалһ* в том же значении, которое нередко используется в качестве заглавий художественных произведений, повествующих о судьбе человека или народа. Достаточно упомянуть здесь роман известного писателя Калмыкии Басанга Дорджиева «Чик хаалһ» (Верный путь) и монгольского писателя Н. Банзрагч «Зам» (Путь)» [Пюрбеев 1998: 100].

Возвращаясь к бинарным оппозициям, отметим, что жизненный путь (судьба) человека в значительной степени связан с дихотомией «профанное–сакральное». Жизненный путь человека в буддийском мировосприятии цикличен. Не случайно его символом у калмыков является пояс. Это символ круга, границы, осмысляемый мифологически и несущий информацию о трехчленной модели Вселенной (верхний мир — *Деед*, где обитают небожители, срединный — *Делкэ*, мир живущих людей, и нижний — *Дорд*, мир нечистой силы), «кластер срединного мира», маркер пространства обитания этноса [Бакаева, Сангаджиев 2005: 63].

Путь по жизни в идеале должен быть вертикален и связан с сакральными перемещениями, трансформациями: «<...> в мире людей движение по вертикали имеет сакрализованное значение. Основная терминология, связанная с движением, характеризуется как перемещение, связанное с вертикальным направлением. Так, в калмыцком языке слово, обозначающее направление движения — *өөд*, является основным термином со значением «вверх» (*өөдэн* — вверх, выше, кверху, подъем, высокий; *өөдм* — возвышение). Отправление в путь (*өөдгдх*), таким образом, осмысляется как движение вверх, то есть к высшей сакральности, что подтверждает выражение высокого стиля *өөд болх* (умереть)» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 59]. Жизненный путь человека (движение человека по жизни) должен быть правильным (*зөө*) и соответствовать движению по кругу — от профанной к сакральной стороне, «приобретая семантику вертикального движения» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60].

Этим осмыслением можно объяснить появление следующих ассоциатов: «белая судьба», «благие дела», «благие намерения», «чистота», «чистые помыслы», «достойная старость», «небесный путь», «небо», «отсутствие страданий», «хадак» (ритуальный длинный шарф, у калмыков чаще белого цвета, символ дороги).

Обратимся к функционированию данного фразеологизма в речи, т. е. к его жанровому аспекту. Исторически фразеосочетание «белая дорога» — «цаһан хаалһ» восходит к жанру калмыцкого фольклора, являющегося по происхождению общемонгольским, — йорялу (благопожеланию), сохранившему свою значимость и сейчас. Не случайно среди ассоциатов часто встречаются именно эти лексемы (*йорял, благопожелание*), т. е. жанровая специфика фразеологизма осознается участниками эксперимента четко. «Йорел — риторический этикетный речевой жанр однонаправленного характера... Адресатов речи может быть и много, что обычно понимается как публичность, и один. Йорел произносят не только на больших, торжественных мероприятиях, но и в узком кругу людей, домашней обстановке — в обоих типах общения — официальном и личностном. Направленность йорелов только добрая» [Олядыкова 2007: 144–145]. По структуре йорялы могут быть короткими формулами (ахр йорэл) и развернутыми текстами. Последние имеют трехчастную композицию: вводную часть, основную и завершение — «закрепку», представляющую собой побудительную конструкцию.

Сочетание «цаһан хаалһ» — часть фольклорной константы «өлзэтэ цаһан хаалһта йовж (болж)» (*досл. 'пусть кто-то (что-то) имеет счастливую белую дорогу'*), которая употребляется в напутственных благопожеланиях широкого событийного круга: рождение, свадьба, поступление детей в вуз, проводы в армию, получение подарка, еды, привезенной сватами и т. д. «Таким образом, данная формула используется в двух значениях: как пожелание счастливого пути и счастья, успехов» [Олядыкова 2007: 168–159].

В реальном общении эта этикетная формула работает и как собственно жанр пожелания, и как субжанр (тактика) в жанре поздравления. Например:

I. Пожелание:

1. Уезжаешь? *Белой дороги тебе // Береги себя!*

2. *Пожелаем* нашему мальчику *белой дороги*, поступления в вуз, хорошей учебы, исполнения задуманного//

II. Субжанр пожелания в жанре поздравления:

1. С днем рождения тебя, Вика! / и как говорят у нас / *белой дороги* тебе всегда и во всем / Пусть удача сопутствует тебе / дети / только радуют // Муж ценит и бережет//

2. Дорогие наши дети / Ильяна и Олег! // Сегодня очень важный день для нашей семьи // мы принимаем в семью бер (*невестку*) /... Хочу **поздравить** вас с созданием семьи и сказать спасибо родителям Иляны за дочь / немало испытаний выпало на долю нашей семьи в последнее время, и всегда Ильяна была рядом с нами / Цаһан седклтэ күүкн (*с доброй, чистой душой девушка*) / так и надо /быть вместе и в горе, и в радости... // Желаю вам крепкой семьи / идите по жизни вместе, поддерживайте друг друга, **желаю** вам *белой дороги* во всех начинаниях / по жизни хоюрн *цаһан хаалһарн йовтн (досл. вместе идите белой дорогой)* //

Таким образом, фразеологизм «белая дорога» — «цаһан хаалһ», в зависимости от речевого события, ситуации реализуется в качестве этикетной формулы в жанре (субжанре) пожелания.

Определим пожелание как этикетный речевой жанр — реакцию на событие с футуральной перспективой, часто воплощающийся (иногда имплицитно) в глаголе-перформативе «желаю(-ем)». Событие, предшествующее пожеланию, находится в сфере адресата и непосредственно с ним связано (планируемая поездка, значимое событие, например, день рождения, свадьба — тогда пожелание становится тактикой (субжанром) в жанре поздравления). Есть мнение о целесообразности использования термина «лингвокультурный скрипт», «характерными чертами которого в повседневном общении являются автоматизированные, стереотипные действия, обусловленные культурными нормами того или иного этноса» [Манджиева 2008: 115].

Итак, специфика осмысления этносами действительности и жизни находит свое воплощение в культурном аспекте концептов, которые репрезентируются в языковых единицах, и прежде всего во фразеологизмах. Устойчивое сочетание *белая дорога (цаһан хаалһ)* определенно является прецедентным знаком калмыцкой лингвокультуры, передающим от поколения к поколению

культурные установки и стереотипы, непосредственно выявляющиеся в реальном общении через речевые возможности в соответствии с той национально-культурной информацией, которая хранится во внутренней форме рассматриваемой языковой единицы. Ценностная составляющая ее семантики особым образом преломляется в сочетающихся компонентах данного фразеологизма — колореме «цаһан» (белая) и кластере пространства «хаалһ» (дорога, путь), имеющих глубинные культурные установки.

Сокращения

Досл. — дословный; КРС — Калмыцко-русский словарь; перен. — переносный.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Бардаев Э. Ч., Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Д.* Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Басангова Т. Г.* Заговор на хорошую дорогу в калмыцком фольклоре // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурных взаимодействий в Евразии. Махачкала, 2008. 350 с.
- Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Голубева Е. В.* Калмыцкие культурные концепты. Элиста: Изд-во КалмГУ 2009. 158 с.
- Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2007. 247 с.
- Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз. 768 с.
- Ковалева Л. В.* Национальное своеобразие языковой объективации концептов, выраженных фразеосочетаниями, обозначающими реалии окружающей среды // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004. № 1. С. 54–60.
- Манджиева Э. Б.* Лингвокультурный скрипт «Пожелание» // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Элиста: КалмГУ, 2008. Вып. 2. С. 115–118.
- Монраев М. У.* Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 208 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
- Олядыкова Л. Б.* Безэквивалентная лексика и фразеология в поэтической картине мира Давида Кугультинова. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 381 с.
- Пространство* в традиционной культуре монгольских народов / Б. З. Нанзатов, Д. А. Николаева, М. М. Содномпилова, О. А. Шагланова. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта–Наука, 2011. 326 с.
- Пюрбеев Г. Ц.* Концепт судьбы в культуре монгольских народов / Теегин герл. 1998. № 6. С. 96–102.
- Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1997. 824 с.
- Ханинова Р.* Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 185 с.
- Ханинова Э. М., Музаева А. В.* Дорога // Этнокультурные концепты в сознании современных россиян / Т. С. Есенова, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин, Ж. Н. Сарангаева и др. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2010. 190 с.